

Пермогорская Е.М., Падун М.А. Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД – участников контртеррористических операций на Северном Кавказе

English version: [Permogorskaya E.M., Padun M.A. Post-traumatic stress and family relationship in the Internal Affairs Department officers who participated in counter-terrorist operations in the Northern Caucasus](#)

Институт психологии Российской Академии наук, Москва, Россия

Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Изучаются взаимосвязи посттравматического стресса, интенсивности боевого опыта и личностных особенностей сотрудников органов внутренних дел (N = 139), участвовавших в контртеррористических операциях на Северном Кавказе, с такими характеристиками семейной системы, как удовлетворенность браком и нарушения воспитания детей. Показано, что в группе лиц с выраженным посттравматическим стрессом ниже удовлетворенность браком и более выражены нарушения процесса воспитания детей. Интенсивность боевого опыта и посттравматический стресс являются предикторами нарушений воспитания и могут оказывать различное влияние на характеристики семейной системы.

Ключевые слова: посттравматический стресс, интенсивность боевого опыта, личностные особенности, удовлетворенность браком, воспитание, боевые действия

В последнее время резко возросло количество антропогенных катастроф и «горячих точек» в различных регионах планеты [Тарабрина, 2000]. Участие в боевых действиях является стрессором, травматичным практически для любого человека. В отличие от других стрессоров он связан с пролонгированной психотравматизацией [Иванов, Жуматий, 2003]. Изучение медико-психологических и психосоциальных последствий воздействия на человека экстремальных факторов военного времени продолжает оставаться актуальным в различных областях науки [Зилов и др., 2004].

Влияние травматического опыта на участников военных конфликтов

Под воздействием экстремальных условий у участников боевых действий формируется уникальная система ценностей, в которой главенствующую роль занимают те, которые позволяют выжить на войне [Исмагилова, 2007]. В свою очередь, отрицательный перенос «боевых моделей поведения» личности в условия мирной жизни негативно влияет на формирование адаптационных возможностей социального взаимодействия человека с окружающей средой, мешает ему нормально существовать спустя много лет после несения службы в «горячих точках» [Основные принципы диагностики ... , 2007].

Война оказывает влияние на весь цикл жизни человека, определяя пути его дальнейшего развития [Краснова, 2004]. Опыт участия в военных действиях и его последствия требуют всеобъемлющего анализа еще и потому, что травмированная личность включена в структуру межличностных, и в том числе семейных, отношений. Отмечена тенденция к более высокому по сравнению с контрольной

группой количеству комбатантов, находящихся в разводе, меньшее количество вступивших в брак; среди семей ветеранов чаще встречаются такие, в которых нет детей [Лазебная, Зеленова, 1999; Литвинцев и др., 2000].

Внутрисемейные взаимоотношения непосредственно сопряжены с психологическими проблемами развития каждого из составляющих семью индивидов [Шапиро, 1994]. В последнее время повысился интерес к изучению роли отца в процессе воспитания ребенка. Отцовство можно определить как интегральную совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающую в себя все уровни жизнедеятельности человека [Евсеевкова, Портнова, 2003]. Отсутствие отца в семье или невыполнение им своих обязанностей повышает вероятность появления у ребенка психопатологии. Личные качества отца, в число которых входит и любовь к своим детям, оказывают значительное влияние на развитие ребенка [Овчарова, 2006]. «Существующие исследования по проблеме отцовства позволяют выделить два подхода к его пониманию. С точки зрения первого подхода отцовство является «благоприятной средой» для развития ребенка. С точки зрения второго подхода родительство рассматривается через призму личности родителя, то есть рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине возможность социализироваться самому» [Карымова, 2010, с. 9].

Изучение влияния травматического опыта на детей участников военных конфликтов подробно представлено в зарубежной литературе. Несмотря на возросший интерес, вплоть до настоящего времени остается недостаточно изученным то, каким образом посттравматический стресс влияет на различные звенья семейной системы. Показано, что жизнь профессиональных военнослужащих насыщена стрессовыми событиями и это отражается на психическом здоровье их детей [Sogomonyan, Coorer, 2010]. Отмечено, что подверженность воздействию боевой травмы влияет на психическое здоровье родителей и детей, причем их эмоциональные ответы на травматическое событие взаимосвязаны [Thabet at al., 2008]; наличие симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) оказывает влияние на отношение родителя к ребенку [Samper at al., 2004]. Е.Е.Pinderhughes со ссылкой на McLoyd отмечает, что родители, испытывающие стресс, склонны к применению наказаний в процессе воспитания ребенка [Pinderhughes at al., 2000].

На наш взгляд, влияние посттравматического стресса и семейной системы является реципрокным: семейная поддержка помогает справиться с последствиями травмирующих ситуаций, но личность, страдающая от посттравматического стресса, может приносить собственные негативные переживания в межличностное общение, оказывая влияние на семейную систему в целом.

В настоящем исследовании семейные отношения изучаются с позиции одного члена семьи, которому принадлежат роли мужа и отца и который подвергался воздействию профессионального стресса вследствие своей профессиональной деятельности.

Цель и гипотезы исследования

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязей уровня посттравматического стресса и характеристик семейных отношений.

Основную гипотезу исследования составило предположение о том, что травматический опыт играет значимую роль в формировании нарушений в семейной системе.

Частные гипотезы исследования:

1. Индивидуально-личностные свойства и выраженность признаков психологического дистресса связаны с нарушениями процесса воспитания детей и уровнем удовлетворенности браком.
2. Для лиц, имеющих высокий уровень посттравматического стресса, характерны более выраженные нарушения воспитания детей и более низкая удовлетворенность браком.
3. Уровень посттравматического стресса и интенсивность боевого опыта являются предикторами нарушений процесса воспитания детей.

Методы

Исследование включало два этапа. На первом этапе было проведено пилотное исследование, в процессе которого опрошено 50 сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), принимавших участие в военных конфликтах. В рамках исследования использовались следующие методики:

- 1) Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (военный и гражданский варианты) [Практикум..., 2001];
- 2) Пятифакторный личностный опросник Big Five (форма S) в адаптации С.Д.Бирюкова [Котельникова, 2009];
- 3) Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) [Практикум..., 2001];
- 4) опросник «Анализ семейных взаимоотношений» [Эйдемиллер и др., 2007];
- 5) Тест-опросник удовлетворенности браком, разработанный В.В.Столиным, Т.Л.Романовой, Г.П.Бутенко [Столин и др., 1984].

По результатам пилотного исследования возникла необходимость оценить специфику боевого стресса и психологические особенности сотрудников ОВД. В связи с этим было принято решение включить в список тестовых методик «Методику диагностики самооценки мотивации одобрения Д.Марлоу и Д.Крауна» (Crowne-Marlowe Social Desirability Scale) [Практическая психодиагностика..., 2001] и «Шкалу оценки интенсивности боевого опыта» [Практикум..., 2001].

На втором этапе в исследовании приняли участие две группы респондентов (мужчины):

1. Сотрудники ОВД Архангельской и Вологодской областей, принимавшие участие в боевых действиях на территории Чеченской Республики. Выборка состояла из 139 человек. Практически все респонденты состоят в первом браке, лишь один человек – во втором браке, и воспитывают детей. Из числа опрошенных 18,6% имеют высшее образование, 47,3% – среднее специальное и 34,1% – среднее образование.
2. Работники дорожно-строительной отрасли Архангельской области, не принимавшие участия в военных конфликтах. Выборка состояла из 100 человек. Все респонденты состоят в первом браке и воспитывают детей. 28% респондентов контрольной группы имеют высшее образование, 38,7% – среднее специальное, 30,1% – среднее и 3,2% – неоконченное среднее. Группы соответствуют друг другу по возрасту, уровню образования, стажу семейной жизни.

Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» рассчитан на диагностику нарушений воспитания в семьях, воспитывающих детей от 3 лет до 21 года. В нашем исследовании опрос проводился в отношении старшего ребенка. С целью исключить возможность искажения результатов был проведен анализ различий сотрудников ОВД, воспитывающих детей разного возраста. Выявлено, что относительно характеристик воспитания детей данные группы различаются лишь по уровню требований-обязанностей. Сотрудники ОВД, воспитывающие детей младшего возраста, предъявляют к ним меньше требований, чем воспитывающие более взрослых детей.

Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS 10.0.

Результаты

Личностные характеристики и семейные отношения сотрудников ОВД

Результаты исследования психологических особенностей сотрудников ОВД показали, что по сравнению с контрольной группой они имеют более «позитивные» личностные характеристики и их семейные отношения складываются более успешно. Для выявления различий между контрольной и экспериментальной группами использовался непараметрический критерий U-Манна–Уитни.

У сотрудников ОВД достоверно ниже уровень нейротизма ($U = 4489$; $p = 0,000$), выше открытость

опыту ($U = 5114$; $p = 0,001$), добросовестность ($U = 4812,5$; $p = 0,000$), экстраверсия ($U = 5067$; $p = 0,001$). У них ниже уровень соматизации ($U = 5119$; $p = 0,000$), обсессивности-компульсивности ($U = 5580$; $p = 0,009$) и враждебности ($U = 5877$; $p = 0,039$), чем среди лиц гражданских профессий. По результатам методики «Личностный дифференциал» у сотрудников ОВД ($N = 34$) по сравнению с респондентами контрольной группы ($N = 30$) преобладают волевые стороны личности ($U = 210$; $p = 0,000$).

Анализ семейных взаимоотношений показал, что у сотрудников ОВД выше удовлетворенность браком (сравнение по критерию U-Манна–Уитни; $U = 5857,5$; $p = 0,05$), в их семьях менее выражены нарушения воспитания детей (см. табл. 1) (такие как гипопротекция, игнорирование потребностей ребенка, недостаточность требований по отношению к ребенку), и для них менее характерны психологические (личностные) проблемы, решаемые за счет ребенка (см. табл. 2) (неразвитость родительских чувств, фобия утраты ребенка, проекция на ребенка собственных нежелательных качеств, предпочтение детских качеств в подростке и предпочтение женских качеств в ребенке).

Таблица 1

Различия в удовлетворенности браком и выраженности нарушений процесса воспитания между группами «Сотрудники ОВД» и «Контрольная группа» (сравнение по критерию U-Манна–Уитни)

Показатели	Сотрудники ОВД			Контрольная группа			U
	N	SD	M	N	SD	M	
Удовлетворенность браком	139	7,74	36,21	100	7,88	34,41	5857,5*
Гиперпротекция	106	1,76	4,03	73	2,14	4,29	3606,5
Гипопротекция	106	2,25	3,87	73	2,12	4,63	3136,5*
Потворствование	106	2,15	4,42	73	2,05	4,45	3825,0
Игнорирование потребностей ребенка	106	0,97	0,78	73	1,10	1,12	3197,5*
Чрезмерность требований-обязанностей	106	0,94	1,60	73	1,14	1,49	3572,0
Недостаточность требований-обязанностей	106	1,29	1,25	73	1,40	1,79	3004,0**
Чрезмерность требований-запретов	106	1,44	2,33	73	1,43	2,14	3509,0
Недостаточность требований-запретов	106	1,16	2,20	73	1,13	2,25	3674,5
Чрезмерность санкций	106	1,26	1,79	73	1,21	1,85	3734,0
Минимальность санкций	106	1,22	3,28	73	1,21	3,45	3546,5
Неустойчивость стиля воспитания	106	1,49	2,10	73	1,42	2,49	3280,5

Примечания. N – количество респондентов; M – среднее; SD – стандартное отклонение; * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$.

Таблица 2

Различия в степени выраженности психологических проблем, решаемых за счет ребенка, между группами «Сотрудники ОВД» и «Контрольная группа» (сравнение по критерию U-Манна–Уитни)

Показатели	Сотрудники ОВД			Контрольная группа			U
	N	SD	M	N	SD	M	
Расширение сферы родительских чувств	106	1,66	1,49	73	1,80	1,86	3369,0
Предпочтение в подростке детских качеств	106	1,25	1,05	73	1,53	1,56	3161,5*
Воспитательная неуверенность	106	1,38	2,42	73	1,34	2,78	3380,0
Фобия утраты	106	1,60	1,31	73	1,61	1,88	2923,0**
Неразвитость родительских чувств	106	1,69	1,36	73	1,61	1,77	3129,5*
Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств	106	1,24	1,00	73	1,18	1,37	3083,0*
Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания	106	0,89	0,60	73	1,11	0,89	3381,5
Предпочтение женских качеств в ребенке	106	1,38	1,44	73	1,54	1,92	3193,0*
Предпочтение мужских качеств в ребенке	106	1,41	1,35	73	1,22	1,18	3691,0

Примечания. N – количество респондентов; M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$.

Полученные данные сложны для интерпретации. По данным И.О.Котенева, для сотрудников милиции служба является источником стресса [Котенев, 2004; 2009]. Показано, что несение службы в органах внутренних дел способствует дисгармонии в семейных отношениях, после участия в контртеррористических операциях увеличивается число семейных конфликтов и разводов [Рыбников, Марьин, 2005]. С другой стороны, анализ литературных данных показал, что несмотря на то что после применения оружия офицеры испытывали диапазон эмоциональных и физиологических реакций, большинство из них не имели долгосрочных негативных последствий [Klinger, 2006]. Показана высокая степень активности сотрудников ОВД в социальных контактах и невысокий уровень агрессии [Калягин, Ениколопов, 2010]. D.C.Ganster говорит о нежелании полицейских признавать стресс, являющийся результатом их профессиональной деятельности [Ganster et al., 1996].

Л.И.Анцыферова отмечает, что факт неожиданности трудной ситуации усиливает ее негативную значимость для человека; а переживая травмирующие события, личность учится антиципировать трудные жизненные ситуации [Анцыферова, 1994]. Можно предположить, что так как сотрудники ОВД по роду своей профессиональной деятельности вынуждены постоянно сталкиваться со стрессовыми ситуациями, они являются более подготовленными к их возможному возникновению и, возможно, переживают их с меньшими негативными последствиями, чем можно было бы ожидать. Необходимо учитывать, что в результате профессионального отбора в число сотрудников ОВД попадают эмоционально уравновешенные лица, что оказывает влияние на их семейные отношения.

Нельзя в полной мере исключать вероятность того, что милиционеры скрывают сложности в семейных отношениях и причиной выявленных различий между сотрудниками ОВД и лицами гражданских профессий является влияние установочного поведения при прохождении психологического тестирования. В связи с этим был проведен анализ фактора социальной желательности. Сравнительный анализ показал различия в уровне социальной желательности между группой сотрудников ОВД и контрольной группой лишь на уровне тенденции (сравнение по критерию U-Манна–Уитни; $U = 5757$; $p = 0,095$). При этом в группе сотрудников ОВД были выявлены некоторые особенности: социальная желательность была достоверно связана практически со всеми исследуемыми переменными. В контрольной группе социальная желательность связана с такими личностными чертами, как «склонность к согласию» и «добросовестность», кроме того, она связана с чрезмерностью санкций по отношению к ребенку и имеет отрицательную связь с общим баллом по Миссисипской шкале.

Связи индивидуально-личностных свойств и семейных характеристик

Показано, что личностные особенности взаимосвязаны с нарушениями процесса воспитания (для выявления статистических связей применялся коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена). Как в экспериментальной, так и в контрольной группе нейротизм имеет наибольшее количество связей с нарушениями воспитания, открытость опыту и экстраверсия меньше связаны с нарушениями воспитания. Обращает на себя внимание то, что в группе сотрудников ОВД больше корреляционных связей между нейротизмом, склонностью к согласию, добросовестностью и нарушениями воспитания, чем в контрольной группе (см. табл. 3, 4).

У сотрудников ОВД количество корреляций между уровнем психологического дистресса и нарушениями воспитания также значительно больше, чем в контрольной группе (см. рис. 1). Существуют нарушения воспитания, которые ни в одной из групп не связаны с уровнем дистресса. К ним относятся: чрезмерность (недостаточность) требований-обязанностей, чрезмерность требований-запретов и недостаточность санкций.

В группе сотрудников ОВД и в контрольной группе существуют общие закономерности:

удовлетворенность браком значимо отрицательно связана с уровнем нейротизма и положительно – с экстраверсией, склонностью к согласию и добросовестностью, но в группе сотрудников ОВД эти связи сильнее. Удовлетворенность браком также связана с признаками дистресса, при этом в контрольной группе связей меньше.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции Спирмена между личностными особенностями и показателями нарушения воспитания детей: группа сотрудников ОВД

НВ	Нейротизм	Экстраверсия	Открытость опыту	Склонность к согласию	Добросовестность
Г+	,110	,260	,020	-,024	,030
Г-	,383**	-,263**	-,269**	-,312**	-,413**
У+	,219*	,025	,000	-,186	-,082
У-	,243*	-,168	-,164	-,257**	-,284**
Т+	,049	-,019	-,003	-,060	,080
Т-	,195*	-,184	,047	-,120	-,174
З+	,094	-,024	-,061	-,095	,035
З-	,202*	-,095	,019	-,193*	-,098
С+	,417**	-,270**	-,107	-,351**	-,224*
С-	-,062	,115	-,028	,251**	,056
Н	,299**	-,091	,043	-,192*	-,128
РРЧ	,247*	-,120	-,129	-,203*	-,196*
ПДК	,284**	-,016	,020	-,256**	-,090
ВН	,065	,074	,099	-,101	-,043
ФУ	,346**	,063	,065	-,257**	-,155
НРЧ	,378**	-,095	-,045	-,340**	-,204*
ПНК	,365**	-,206*	-,098	-,340**	-,200*
ВК	,367**	-,091	,108	-,187	-,197*
ПЖК	,039	-,018	-,125	-,068	-,194*
ПМК	,314**	,002	,073	-,354**	-,257**

Примечания. (НВ) – нарушения воспитания детей; (Г+) – гиперпротекция; (Г-) – гипопротекция; (У+) – потворствование; (У) – игнорирование потребностей ребенка; (Т+) – чрезмерность требований-обязанностей; (Т-) – недостаточность требований-обязанностей; (З+) – чрезмерность требований-запретов; (З-) – недостаточность требований-запретов; (С+) – чрезмерность санкций; (С-) – недостаточность санкций; (Н) – неустойчивость стиля воспитания; (РРЧ) – расширение сферы родительских чувств; (ПДК) – предпочтение в подростке детских качеств; (ВН) – воспитательная неуверенность родителя; (ФУ) – фобия утраты ребенка; (НРЧ) – неразвитость родительских чувств; (ПНК) – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; (ВК) – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; (ПМК) – предпочтение мужских качеств в ребенке; (ПЖК) – предпочтение женских качеств в ребенке; * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции Спирмена между личностными особенностями и показателями нарушения процесса воспитания детей: контрольная группа

НВ	Нейротизм	Экстраверсия	Открытость опыту	Склонность к согласию	Добросовестность
Г+	,283*	-,085	-,025	-,320**	-,145
Г-	,142	-,174	-,100	-,119	-,030
У+	,377**	,026	,040	-,254*	,022
У-	,315**	-,237*	-,123	-,261*	-,283*

Г+	,037	,070	,087	,109	-,006
Г-	,371**	-,191	-,022	-,215	-,257*
З+	,068	,213	-,054	,043	,104
З-	,252*	-,181	,228	-,138	-,052
С+	-,037	,063	,056	-,051	,147
С-	,025	,016	,028	,04	-,045
Н	,157	,054	-,191	-,017	-,043
РРЧ	,338**	-,210	-,073	-,346**	-,162
ПДК	,165	-,065	-,111	-,059	,026
ВН	,228	,052	-,124	-,204	-,051
ФУ	,296*	-,057	,016	-,267*	-,217
НРЧ	,390**	-,074	-,280*	-,211	-,22
ПНК	,161	,184	-,124	-,009	,083
ВК	,252*	,005	-,096	-,141	-,023
ПЖК	,181	-,226	-,262*	-,087	-,027
ПМК	,063	,023	-,083	-,119	,022

Примечания. (НВ) – нарушения воспитания детей; (Г+) – гиперпротекция; (Г-) – гипопротекция; (У+) – потворствование; (У-) – игнорирование потребностей ребенка; (Т+) – чрезмерность требований-обязанностей; (Т-) – недостаточность требований-обязанностей; (З+) – чрезмерность требований-запретов; (З-) – недостаточность требований-запретов; (С+) – чрезмерность санкций; (С-) – недостаточность санкций; (Н) – неустойчивость стиля воспитания; (РРЧ) – расширение сферы родительских чувств; (ПДК) – предпочтение в подростке детских качеств, (ВН) – воспитательная неуверенность родителя; (ФУ) – фобия утраты ребенка; (НРЧ) – неразвитость родительских чувств; (ПНК) – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; (ВК) – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; (ПМК) – предпочтение мужских качеств в ребенке; (ПЖК) – предпочтение женских качеств в ребенке; * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p < 0,01$.

Рис. 1. Корреляционные плеяды, характеризующие связи между уровнем психологического дистресса и нарушениями воспитания в группе сотрудников ОВД и контрольной группе.

Примечания. GSI (ОВД) – индекс, отражающий уровень психологического дистресса, измеряемый с

помощью методики SCL-90-R (в группе сотрудников ОВД); GSI (КГ) – индекс, отражающий уровень психологического дистресса, измеряемый с помощью методики SCL-90-R (у респондентов контрольной группы); (Г+) – гиперпротекция; (Г-) – гипопротекция; (У+) – потворствование; (З-) – недостаточность требований-запретов; (С+) – чрезмерность санкций; (Н) – неустойчивость стиля воспитания; (РРЧ) – расширение сферы родительских чувств; (ПДК) – предпочтение в подростке детских качеств; (ВН) – воспитательная неуверенность; (ФУ) – фобия утраты ребенка; (НРЧ) – неразвитость родительских чувств; (ПНК) – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; (ВК) – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; (ПМК) – предпочтение мужских качеств в ребенке; (ПЖК) – предпочтение женских качеств в ребенке.

Таким образом, для сотрудников ОВД в большей степени характерна проекция личностных свойств на семейную систему. В исследованиях, посвященных изучению психологических особенностей сотрудников ОВД, отмечено, что в зависимости от стажа службы наблюдаются изменения их личностной структуры [Родыгина, 2004]. Вероятно, стремление привносить личные проблемы в семейные отношения связано с принадлежностью в течение длительного времени к жесткой иерархии, формирующейся внутри профессиональной системы органов внутренних дел, где зачастую личные проблемы руководства проецируются на взаимоотношения с подчиненными и этот поведенческий стереотип может интериоризироваться сотрудниками.

Взаимосвязи между характеристиками семейной системы

Семья – это система, в которой каждый элемент взаимосвязан с другими. Соответственно, не только отец и мать, но и отношения в супружеской подсистеме влияют на развитие ребенка. Взаимосвязи родительско-детской и супружеской подсистем показаны с помощью корреляционного анализа (по Спирмену) нарушений воспитания, удовлетворенности браком и отношения к супруге.

Нарушения воспитания достоверно отрицательно связаны с удовлетворенностью браком (см. рис. 2). Наблюдаются различия в группах по шкалам ПЖК и ПМК (сдвиг в установках родителя по отношению к ребенку в зависимости от его пола). В группе сотрудников ОВД предпочтение в ребенке мужских качеств (самостоятельность, агрессивность, грубость) имеет обратную связь с удовлетворенностью браком и прямую – с выраженностью посттравматических стрессовых реакций.

Можно предположить, что мужчины, имеющие выраженные посттравматические реакции как следствие участия в боевых действиях, в случае нарушения отношений с супругой предпочитают дистанцироваться и от ребенка (предпочитают, чтобы ребенок был самостоятельным, не задавал лишних вопросов). Из этого следует, что эмоциональные проблемы участников военных действий отражаются на их внутрисемейных отношениях. Можно предположить, что выявленные закономерности характеризуют комплекс нарушений в семейной системе, который можно охарактеризовать как холодность в отношении к близким людям.

Для респондентов контрольной группы характерна обратная связь удовлетворенности браком с предпочтением женских качеств в ребенке. Таким образом, когда отношения с супругой нарушены, мужчины, не имеющие боевого опыта, неосознанно стремятся найти необходимые качества (такие как нежность, сочувствие) в детях.

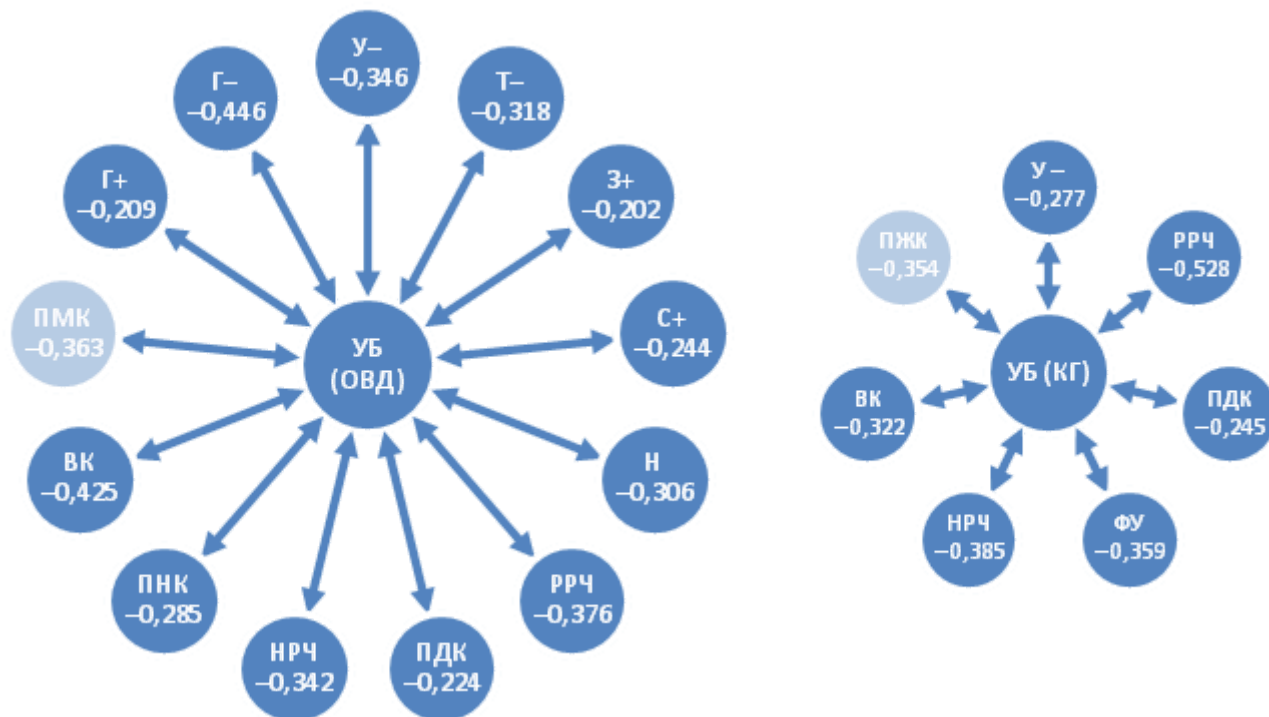

Рис. 2. Корреляционные плеяды, характеризующие связи между удовлетворенностью браком и нарушениями процесса воспитания в группе сотрудников ОВД и контрольной группе.

Примечания. УБ (ОВД) – уровень удовлетворенности браком в группе сотрудников ОВД; УБ (КГ) – уровень удовлетворенности браком в контрольной группе; (Г+) – гиперпротекция; (Г-) – гипопротекция; (У-) – игнорирование потребностей ребенка; (Т-) – недостаточность требований-обязанностей; (З+) – чрезмерность требований-запретов; (С+) – чрезмерность санкций; (Н) – неустойчивость стиля воспитания; (РРЧ) – расширение сферы родительских чувств; (ПДК) – предпочтение в подростке детских качеств; (ФУ) – фобия утраты ребенка; (НРЧ) – неразвитость родительских чувств; (ПНК) – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; (ВК) – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; (ПМК) – предпочтение мужских качеств в ребенке; (ПЖК) – предпочтение женских качеств в ребенке.

Влияние боевого опыта и посттравматического стресса на возникновение нарушений в семейной системе

На основании данных по Миссисипской шкале в группе сотрудников ОВД было выделено две подгруппы:

1. Группа «Высокий ПТС»: сотрудники милиции, имеющие высокий уровень посттравматического стресса, $N = 34$, средний балл по миссисипской шкале $81,24 \pm 11,26$.
2. Группа «Низкий ПТС»: сотрудники милиции, имеющие низкий уровень посттравматического стресса, $N = 51$, средний балл по миссисипской шкале $47,84 \pm 4,76$.

С помощью критерия U-Манна–Уитни достоверно подтверждено, что для сотрудников ОВД с выраженным посттравматическим стрессом характерна более низкая удовлетворенность браком ($U = 381,5$; $p = 0,000$). Диаграмма, представленная на рис. 3, дает наглядную характеристику выраженности нарушений воспитания в зависимости от степени выраженности посттравматического стресса. Нарушения воспитания представлены более ярко в группе сотрудников ОВД с выраженными посттравматическими реакциями.

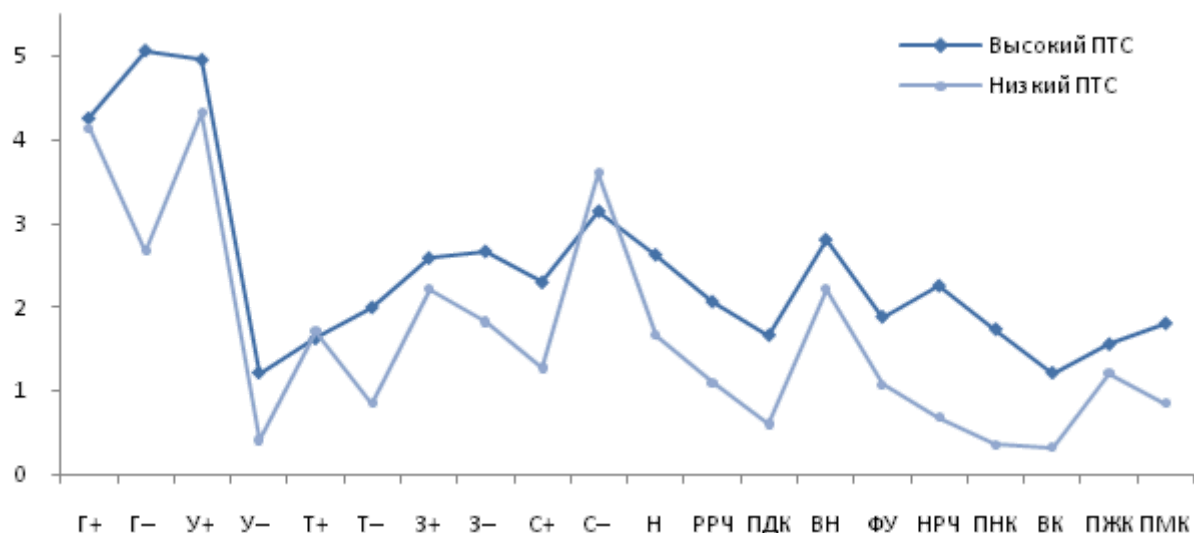

Рис. 3. Сравнительная характеристика нарушений процесса воспитания детей в группах «Высокий ПТС» и «Низкий ПТС».

Примечания. (Г+) – гиперпротекция; (Г-) – гипопротекция; (У+) – потворствование; (У-) – игнорирование потребностей ребенка; (Т+) – чрезмерность требований обязанностей; (Т-) – недостаточность требований-обязанностей; (З+) – чрезмерность требований-запретов; (З-) – недостаточность требований-запретов; (С+) – чрезмерность санкций; (С-) – недостаточность санкций; (Н) – неустойчивость стиля воспитания, (РРЧ) – расширение сферы родительских чувств; (ПДК) – предпочтение в подростке детских качеств; (ВН) – воспитательная неуверенность; (ФУ) – фобия утраты ребенка; (НРЧ) – неразвитость родительских чувств; (ПНК) – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; (ВК) – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; (ПМК) – предпочтение мужских качеств в ребенке; (ПЖК) – предпочтение в ребенке женских качеств.

Учитывая, что в целом в выборке был выявлен невысокий уровень посттравматического стресса, было принято решение включить в исследование фактор интенсивности боевого опыта. С помощью показателя интенсивности боевого опыта появляется возможность объективно оценить степень тяжести психотравмирующего события.

Уровень посттравматического стресса имеет прямую корреляционную связь практически со всеми нарушениями процесса воспитания (корреляционный анализ по Спирмену). Интенсивность боевого опыта коррелирует с некоторыми нарушениями воспитания (см. рис. 4). Чем сильнее пережитый стресс, тем чаще встречается фобия утраты ребенка, гиперпротекция и потворствование, а также проекция на ребенка собственных нежелательных качеств и чрезмерность требований-обязанностей, предъявляемых к ребенку.

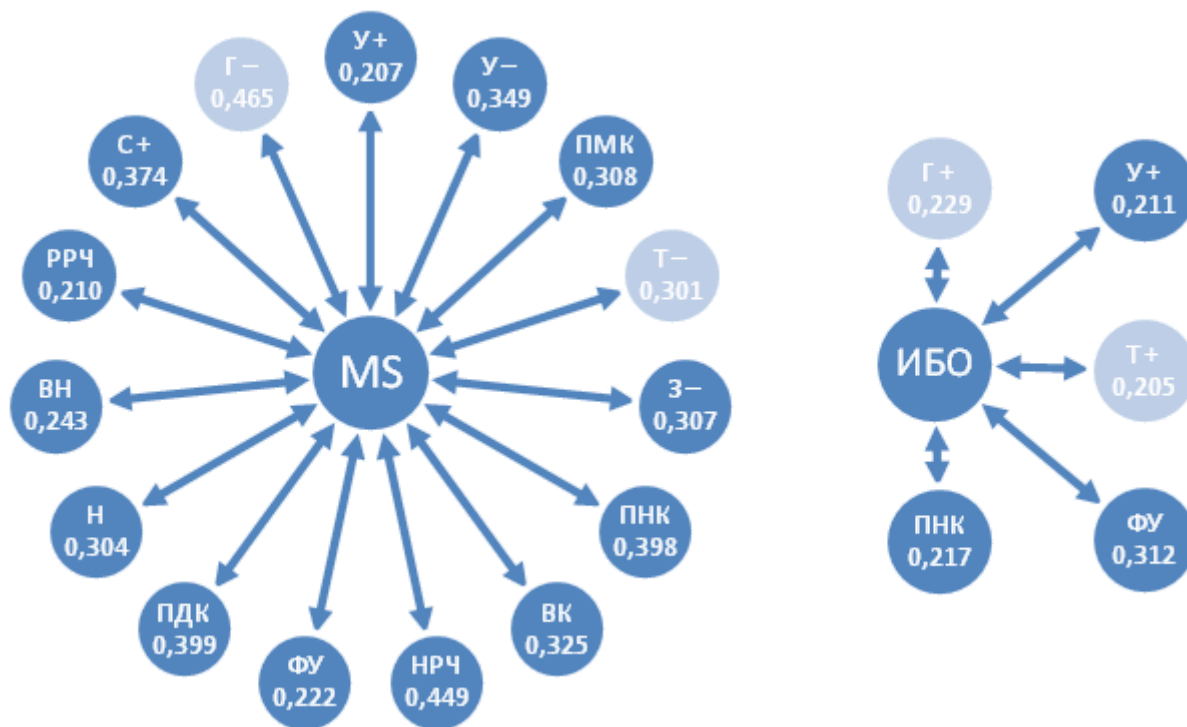

Рис. 4. Корреляционные плеяды, характеризующие взаимосвязи между посттравматическим стрессом, интенсивностью боевого опыта и нарушениями процесса воспитания детей в группе сотрудников ОВД.

Примечания. MS – общий балл по Миссисипской шкале; ИБО – интенсивность боевого опыта; (Г+) – гиперпротекция; (Г-) – гипопротекция; (У+) – потворствование; (У-) – игнорирование потребностей ребенка; (Т+) – чрезмерность требований обязанностей; (Т-) – недостаточность требований обязанностей; (З+) – чрезмерность требований-запретов; (З-) – недостаточность требований-запретов; (С+) – чрезмерность санкций; (С-) – недостаточность санкций; (Н) – неустойчивость стиля воспитания; (РРЧ) – расширение сферы родительских чувств; (ПДК) – предпочтение в подростке детских качеств; (ВН) – воспитательная неуверенность; (ФУ) – фобия утраты ребенка; (НРЧ) – неразвитость родительских чувств; (ПНК) – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; (ВК) – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; (ПМК) – предпочтение мужских (женских) качеств в ребенке; (ПЖК) – предпочтение женских качеств в ребенке.

Предикторы нарушений процесса воспитания детей

В регрессионные модели в качестве зависимых переменных были включены нарушения воспитания детей; независимые переменные: личностные особенности, интенсивность боевого опыта, уровень посттравматического стресса. Полученные регрессионные модели имели высокий уровень значимости, но низкие коэффициенты детерминации (R^2 не превышает 0,280).

Наиболее существенный вклад в процесс формирования нарушений воспитания вносит уровень посттравматического стресса (см. табл. 5). Посттравматический стресс является предиктором таких нарушений воспитания, как «Предпочтение в подростке детских качеств», «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» и «Неразвитость родительских чувств». Высокий уровень посттравматического стресса наряду с низкими показателями по шкалам «Открытость опыту» и «Добросовестность» являются предикторами такого нарушения воспитания, как «Гипопротекция».

Интенсивность боевого опыта в сочетании с высоким нейротизмом обуславливает нарушение воспитания «Фобия утраты ребенка». Нарушение процесса воспитания «Чрезмерность санкций» в отношении ребенка имеет прямую связь с нейротизмом и обратную – со склонностью к согласию.

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа: предикторы нарушений воспитания

НВ	Предикторы	Коэффициенты регрессии		Состоятельность модели			
		β	p	КМК	КМД	F	p
Г–	MS	,305	,001	,529	,280	13,219	,000
	Открытость опыту	–,156	,082				
	Добросовестность	–,256	,009				
С+	Нейротизм	,255	,008	,428	,184	11,574	,000
	Склонность к согласию	–,266	,006				
ПДК	MS	,425	,000	,425	,180	22,879	,000
ФУ	Нейротизм	,371	,000	,488	,238	16,071	,000
	ИБО	,300	,001				
НРЧ	MS	,305	,005	,454	,206	13,402	,000
	Склонность к согласию	–,208	,052				
ПНК	MS	,508	,000	,508	,258	36,085	,000
ВК	MS	,190	,077	,521	,271	7,447	,000
	Нейротизм	,273	,022				
	Экстраверсия	,172	,100				
	Открытость опыту	,209	,030				
	Добросовестность	–,223	,044				
ПМК	Нейротизм	,190	,088	,463	,215	6,902	,000
	Экстраверсия	,269	,010				
	Склонность к согласию	,275	,005				
	Добросовестность	–,185	,100				

Примечания. (НВ) – нарушения воспитания детей; (Г–) – гипопротекция; (С+) – чрезмерность санкций; (ПДК) – предпочтение в подростковом возрасте детских качеств; (ФУ) – фобия утраты ребенка; (НРЧ) – неразвитость родительских чувств; (ПНК) – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; (ВК) – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; (ПМК) – предпочтение мужских качеств в ребенке; (β) – β -коэффициенты переменных регрессионной модели; (КМК) – коэффициент множественной корреляции; (КМД) – коэффициент множественной детерминации; (F) – значение критерия F-Фишера; (p) – уровень значимости; (MS) – общий балл по Миссисипской шкале; (ИБО) – интенсивность боевого опыта.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании показано, что существует связь между личностными особенностями и уровнем дистресса отца и нарушениями процесса воспитания в семье. Полученные закономерности характерны для всех опрошенных мужчин, но в группе сотрудников ОВД уровень дистресса и отдельные его признаки связаны с **большим** числом нарушений воспитания. В.А.Абабковым и М.Перре отмечена сложность совмещения родительских и профессиональных функций и показано, что мужья больше времени отдают профессиональной деятельности [Абабков, Перре, 2004]. Было обнаружено, что эмоциональное онемение и раздражение, являющиеся результатом ПТСР, негативно воздействуют на семейные отношения [Ray, Vanstone, 2009]. Учитывая эти закономерности, можно предполагать, что профессиональная деятельность, насыщенная стрессовыми событиями, опосредованно оказывает влияние на возникновение нарушений процесса воспитания в семьях сотрудников ОВД, несмотря на то что при непосредственном сравнении групп респондентов эти закономерности не были выявлены.

Результаты нашего исследования показывают, что наличие посттравматического стресса у одного члена семьи приводит к ухудшению эмоциональных отношений в семье и отражается на процессе воспитания, приводя к его нарушению. Посттравматический стресс является ключевым предиктором

нарушений процесса воспитания в семьях сотрудников ОВД.

Зарубежные исследования свидетельствуют о том, что наличие ПТСР у отца, воевавшего во Вьетнаме, сказывается на ребенке. Механизм передачи травматического опыта можно описать с помощью теории М.Боуэна. В данном случае человеческое поведение понимается как связанное с семейным взаимодействием, а семья понимается как эмоциональное целое (эмоциональная единица). В рамках этой интерпретации можно говорить, что травма родителей может передаваться детям [Frenz, 2007].

Уровень посттравматического стресса связан с гипопротекцией и недостаточностью требований-обязанностей, а интенсивность боевого опыта, напротив, с гиперпротекцией и чрезмерностью требований-обязанностей. Из этого следует, что выраженный посттравматический стресс сосредотачивает человека на себе и преодолении собственных тревожных симптомов – личность ориентирована на переработку травматического события и поглощена этим процессом, вследствие чего появляется пониженное внимание и интерес к ребенку. Соответственно, у лиц с высокой интенсивностью боевого опыта и низким уровнем посттравматического стресса может происходить проекция травматических переживаний на отношения с ребенком, которая проявляется в тревоге за ребенка, повышенном внимании, стремлении к удовлетворению любых потребностей ребенка.

Таким образом, отношение родителя к ребенку реализуется в процессе воспитания; в свою очередь нарушения процесса воспитания могут приводить к негативным последствиям в развитии ребенка. В нашем исследовании на примере лиц опасных профессий показано, что травматический опыт и непосредственно уровень выраженности посттравматического стресса являются предикторами нарушений процесса воспитания. Нарушается эмоциональное взаимодействие между членами семьи, личность использует неадекватные стратегии воспитания, что влияет на семейные отношения в целом.

Представленные результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Принимавшие участие в военных конфликтах сотрудники ОВД характеризуются низким уровнем нейротизма, высокой открытостью опыту, добросовестностью и экстраверсией по сравнению с лицами, деятельность которых не связана с профессиональным стрессом. Сотрудники ОВД больше удовлетворены браком, в их семьях менее выражены нарушения воспитания детей и психологические (личностные) проблемы, решаемые за счет ребенка. При этом у них наблюдается высокая связь данных психологических характеристик с уровнем социальной желательности.
2. Удовлетворенность браком связана со свойствами личности независимо от характера профессиональной деятельности.
3. Нарушения процесса воспитания в семье связаны с личностными особенностями. Для лиц, склонных подчинять личные потребности потребностям группы и обладающих высокой ответственностью и самообладанием, менее характерно негармоничное патологизирующее воспитание. У сотрудников ОВД больше связей между нарушениями воспитания и свойствами личности, чем у лиц гражданских профессий.
4. Тяжесть травмирующего события и уровень посттравматического стресса являются предикторами нарушений процесса воспитания. Сотрудники ОВД с выраженными посттравматическими стрессовыми реакциями имеют больше нарушений в сфере семейных отношений. Для них характерны: более низкая удовлетворенность браком, нарушение процесса воспитания в семье и психологические (личностные) проблемы, решаемые за счет ребенка.
5. Уровень посттравматического стресса связан с гипопротекцией и недостаточностью требований-обязанностей, то есть родители, испытывающие посттравматический стресс, склонны уделять ребенку меньше внимания. Напротив, с повышением тяжести боевой травмы увеличивается вероятность проявления тревожно-опекаемых характеристик воспитания.

[Литература](#)

Абабков В.А., Перре М. [Perrez М.], Кайдановская Е.В., Шёби Д. [Schoebi D.] Семейная жизнь и профессиональная деятельность // Вопросы психологии. 2004. N 6. С. 44–53.

Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях // Психологический журнал. 1994. N 1. С. 3–18.

Евсеев Ю.В., Портнова А.Г. Структурный анализ акмеологического феномена отцовства // Психология зрелости и старения. 2003. N 4. С. 35–51.

Зилов В.Г., Миненко И.А., Смекалкина Л.В., Кудаева Л.М. Комплексная нелекарственная коррекция посттравматических стрессовых расстройств у участников боевых действий // Руководство по реабилитации лиц, подвергшихся стрессорным нагрузкам. М.: Медицина, 2004. С. 194–205.

Иванов А., Жуматий Н. Реабилитация личности военнослужащих, пострадавших в боевых действиях // Развитие личности. 2003. N 4. С. 143–153.

Исмагилова Л.И. Личность участника боевых действий и ее копинг-поведение в социуме // Психология совладающего поведения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.А.Сергиенко, Т.Л.Крюкова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та им. Н.А.Некрасова, 2007. С. 195–196.

Калягин Ю.С., Ениколопов С.Н. Некоторые вопросы профессиональной деятельности оперативного работника [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование: электрон. журн. 2010. N 3. URL: http://www.psyedu.ru/journal/2010/3/Kalyagin_Enikolopov.phtml (дата обращения: 25.10.2010).

Карымова О.С. Социально-психологические особенности репродуктивной установки бесплодных мужчин и женщин: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.

Котельникова А.В. Личностные корреляты посттравматического стресса: на материале выборки вынужденных переселенцев: дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

Котенев И.О. Психологическая диагностика постстрессовых состояний // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2004. N 4. С. 30–47.

Котенев И.О. Применение оружия сотрудниками правоохранительных органов как кризисная психологическая ситуация // Наука и практика. 2009. N 3. С. 70–74.

Краснова О.В. Исследование проблем бывших военнослужащих в контексте цикла жизни // Психология зрелости и старения. 2004. N 3. С. 52–78.

Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. N 5. С. 62–74.

Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М.: Академия, 2006.

Литвинцев С.В., Лыткин В.М., Нечипоренко В.В., Короткова Н.В., Малахов Ю.К. Психологическая характеристика ветеранов локальных войн (социально-психологические, медико-психологические и реабилитационные аспекты) // Проблемы реабилитации. 2000. N 1. С. 43–53.

Овчарова Р.В. Психология родительства. М.: Академия, 2005.

Основные принципы диагностики и профилактики посттравматического стресса у участников контртеррористических операций / под ред. П.И.Сидорова. Архангельск: ИЦ Север. гос. мед. ун-та, 2007.

Практикум по психологии посттравматического стресса / под ред. Н.В.Тарабриной. СПб.: Питер, 2001.

Практическая психодиагностика. Методики и тесты / под ред. Д.Я.Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2001.

Родыгина Ю.К. Психофизиологические особенности сотрудников органов внутренних дел и их взаимосвязь с профессиональной успешностью: дис. ... канд. мед. наук. Архангельск, 2004.

Рыбников В.Ю., Марьин М.И. Копинг-поведение сотрудников МВД России и их индивидуальная устойчивость в экстремальных и чрезвычайных ситуациях // *Проблемы психологии и эргономики*. 2005. N 3. С. 53–59.

Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П. Опросник удовлетворенности браком // *Вестник Московского университета. Серия 14, Психология*. 1984. N 2. С. 54–70.

Тарабрина Н.В. Посттравматическое стрессовое расстройство у ветеранов-инвалидов (участников боевых действий) // *Клиническая психология* / сост. и общ. ред. Н.В.Тарабриной. СПб.: Питер, 2000.

Шапарь В.Б., Тимченко А.В., Швыдченко В.Н. Практическая психология. Инструментарий. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.

Шапиро А.З. Психолого-гуманистические проблемы позитивности-негативности внутрисемейных взаимоотношений // *Вопросы психологии*. 1994. N 4. С. 45–56.

Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. 3-е изд. СПб.: Речь, 2007.

Frenz M. Combat veterans diagnosed with posttraumatic stress disorder: the effect on their children: a phenomenological study. Doctor of Management in Organizational Leadership Dissertation. Phoenix, 2007.

Ganster D.C., Pagon M., Duffy M. Organizational and interpersonal sources of stress in the Slovenian police force // *From policing in Central and Eastern Europe: comparing firsthand knowledge with experience from the west* / ed. by M.Pagon. Ljubljana: College of Police and Security Studies, 1996. P. 425–433.

Klinger D. Police responses to officer-involved shootings // *National Institute of Justice Journal*. 2006. N 253. P. 21–24.

Pinderhughes E.E., Bates J.E., Dodge K.A., Pettit G.S., Zelli A. Discipline responses: influences of parents' socioeconomic status, ethnicity, beliefs about parenting, stress, and cognitive-emotional processes // *Journal of Family Psychology*. 2000. Vol. 14, N 3. P. 380–400.

Ray S.L., Vanstone M. The impact of PTSD on veterans' family relationships: An interpretative phenomenological inquiry // *International Journal of Nursing Studies*. 2009. Vol. 46, N 6. P. 838–847.

Samper R.E., Taft C.T., King D.W., King L.A. Posttraumatic stress disorder symptoms and parenting satisfaction among a national sample of mail Vietnam veterans // *Journal of Traumatic Stress*. 2004. Vol. 17, N 4. P. 311–315.

Sogomonyan F., Cooper J.L. Trauma faced by children of military families. Brief report. NCCP Mailman School of Public Health at Columbia University, 2010.

Thabet A.A., Tawahina A.A., Sarraj E.E., Vostanis P. Exposure to war trauma and PTSD among parents and children in the Gaza strip // *European Child and Adolescent Psychiatry*. 2008. Vol. 17, N 4. P. 191–199.

Поступила в редакцию 7 апреля 2011 г. Дата публикации: 17 июня 2011 г.

[Сведения об авторах](#)

Пермогорская Екатерина Михайловна. Соискатель ученой степени кандидата психологических наук, лаборатория психологии посттравматического стресса, Институт психологии Российской академии наук, Москва; старший преподаватель, кафедра гуманитарных наук, Северный государственный медицинский университет, пр. Троицкий, д. 51, 163000 Архангельск, Россия.

E-mail: permogorskaya@mail.ru

Падун Мария Анатольевна. Кандидат психологических наук, лаборатория психологии посттравматического стресса, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: maria_padun@inbox.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Пермогорская Е.М., Падун М.А. Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД – участников контртеррористических операций на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421100116/0031.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)